

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
СУВЕРЕНИТЕТ
VS.
ПРАВО НАЦИЙ
НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ**

*Сборник
научных статей*

Ответственный редактор

А.Л. Рябинин

Редактор-составитель

Г.В. Лукьянов

Издательский дом
Государственного университета — Высшей школы экономики

Москва, 2011

УДК 341.231(08)

ББК 67.400

Г72

*Сборник подготовлен по проекту
«Опыт, извлекаемый из развития конфликтов
и социально-политических трансформаций в условиях
разрушения и формирования государственных образований»
программы фундаментальных исследований секции истории
Отделения историко-филологических наук РАН
«Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов».*

Рецензент

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН
А.Ш. Кадырбаев

ISBN 978-5-7598-0730-8

© Оформление. Издательский дом
Государственного университета —
Высшей школы экономики, 2011

Содержание

Предисловие ответственного редактора	5
<i>Соболева И.В.</i> Будущее мировой политики: через разрешение противоречия между принципом государственного суверенитета и правом наций на самоопределение — к новой эре международных отношений	9
<i>Самотовинский Д.В.</i> От Франции как «общины верных» к Франции-нации: к вопросу о секуляризации социальной картины мира во французской гуманистической культуре эпохи Религиозных войн (на материале творчества Луи Ле Руа).....	28
<i>Родионова Н.А.</i> «Лицом к России», единой и неделимой: идея общерусского единства в эмигрантских исканиях либерала П.Н. Милюкова	36
<i>Кривушин И.В.</i> «Первое пришествие» политического национализма в Шотландии.....	55
<i>Филатова И.И.</i> Африканская государственность и африканский Ренессанс: парадокс ненормальности или нормальность парадокса	74
<i>Соболева И.В.</i> Индия: перспективы политической стабильности и потенциальные факторы дезинтеграции	113
<i>Васильев А.Д.</i> Роль армии в разрешении внутривнутриполитических конфликтов в Турции.....	128
<i>Бордунова Е.М.</i> Этнический Курдистан: фантомна ли курдская государственность	158
<i>Савин И.С.</i> Этническая идентификация в постсоветском Казахстане	179

Савин И.С.

Социальные стратегии трудовых мигрантов из Узбекистана
в России и Казахстане (сравнительный анализ) 221

Рецензия на книгу:

«Мы и они. Конформизм и образ “другого”»:
сборник статей на тему ксенофобии /
под ред. Л.С. Васильева и А.Л. Рябинина..... 245

Об авторах..... 249

Предисловие ответственного редактора

Борьба и взаимодействие двух идей — идеи государственного суверенитета, ставшей одним из ключевых элементов европейского политического сознания со второй половины XVI в. и европейской политической практики после Вестфальского мира 1648 г., и идеи права наций на самоопределение, явившейся фундаментальным понятием эпохи национализма, которую открыла Великая Французская революция, — во многом определили те концептуальные рамки, в которых осмыслялась эволюция политических систем и институтов Нового и Новейшего времени. В течение столетий принцип государственного суверенитета или противостоял национализму, или же присваивался им в самых разнообразных вариантах; специфика этих последних обуславливалась в первую очередь историческими особенностями развития того или иного региона в ту или иную эпоху, прежде всего — его этнополитическим ландшафтом. В XX в. оппозиция «государственный суверенитет — право наций на самоопределение», базовая для европейского политического бытия и сознания, приобрела всемирное значение, когда торжество европейского политического национализма над наднациональными монархиями после Первой мировой войны дополнилось торжеством неевропейского национализма над колониальными империями после Второй мировой войны.

Кризис национальной государственности, со всей очевидностью обнаружившийся в конце XX – начале XXI в., выносит на повестку дня новый вопрос — о переосмыслении и переоценке ключевых понятий международной и внутривнутриполитической жизни, государственного суверенитета и права наций на самоопределение, с точки зрения новых исторических реалий, в контексте эпохи глобализации, когда вызов национальному государству бросают, с одной стороны, наднациональные институты, а с другой — углубляющаяся автономизация на самых разных субнациональных уровнях. Исходя из этого, авторы настоящего сборника поставили перед собой задачу рассмотреть историческую эволюцию политических систем и разных форм национализма, а также их современную трансформацию с целью выяснить общие тенденции развития, региональные особенности и перспективы существования национального государства как такового в широком этнополитическом, интернациональном, эконо-

мическом и социокультурном контексте. Авторы пытаются исследовать целый комплекс вопросов, связанных как с историей формирования базовых понятий «государственный суверенитет», «государство-нация» и т.п., так и с историей национальной государственности и национализма прежде всего в XX – начале XXI в. в важнейших регионах мира: в Европе, на Ближнем Востоке, в Южной и Центральной Азии, в Тропической и Южной Африке.

Сборник открывается статьей *И.В. Соболевой* «Будущее мировой политики: через разрешение противоречия между принципом государственного суверенитета и правом наций на самоопределение — к новой эре международных отношений», в которой делается попытка дать общетеоретический анализ эволюции принципов государственного суверенитета и права наций на самоопределение как основных принципов мировой политики на современном этапе. В статье делается следующий вывод: ныне национальное государство перестало быть единственным источником политического суверенитета, поскольку все в большей степени часть суверенитета передается международным организациям, а сам процесс национального самоопределения деполитизируется, приобретая преимущественно экономический и культурный характер.

В статье *Д.В. Самотовинского* «От Франции как “общины верных” к Франции-нации: к вопросу о секуляризации социальной картины мира во французской гуманистической культуре эпохи Религиозных войн (на материале творчества Луи Ле Руа)» анализируется ключевой период в истории формирования понятия «государство» — эпоха Религиозных войн во Франции (вторая половина XVI в.). На материале произведений французского гуманиста автор выясняет, как происходила секуляризация этого понятия и как возникла новоевропейская концепция нации.

Н.А. Родионова в статье «“Лицом к России, единой и неделимой”»: идея общерусского единства в эмигрантских исканиях либерала П.Н. Милюкова» ставит вопрос о конфликте представлений о российской государственности и либеральных ценностей в сознании русской эмиграции первой волны на примере эволюции политических взглядов П.Н. Милюкова. Автор показывает, что идея государственного суверенитета и целостности России оказывается для лидера кадетов в итоге приоритетной по отношению к идеям политической демократии и индивидуальной свободы.

В статье *И.В. Кривушина* «“Первое пришествие” политического национализма в Шотландии» рассматривается специфика шотландского

политического национализма в Новое и Новейшее время. Анализируя эволюцию данного национализма в XX в. и его политический «прорыв» в 1970-е годы, автор делает вывод о неустойчивости его социальной базы, умеренности его политической программы, значительной зависимости от ситуативных факторов; он также критически оценивает перспективы создания суверенного шотландского государства.

И.И. Филатова в статье «Государство в Африке и Африканский Ренессанс: парадокс ненормальности или нормальность парадокса» ставит перед читателем широко обсуждаемую в зарубежной историографии проблему кризиса государства в Африке. На материале истории Южной и Тропической Африки постколониального периода автор вычленяет как институциональные, так и экономические, внутри- и внешнеполитические, социокультурные факторы, обусловившие деградацию и даже крах государственности в ряде африканских стран после окончания «холодной войны».

В статье *И.В. Соболевой* «Индия: перспективы политической стабильности и потенциальные факторы дезинтеграции» анализируется процесс формирования государственных институтов Республики Индия, определяется их характер и специфические черты. Особое внимание автор уделяет выяснению исторических причин и актуальных политических и экономических факторов, способствующих устойчивости федеративной системы страны в условиях тех этнорелигиозных вызовов, с которыми она сталкивается.

А.Д. Васильев в статье «Роль армии в разрешении внутривнутриполитических конфликтов в Турции» рассматривает важнейшую «силовую структуру» современной Турции — армию, выполняющую функцию гаранта политической системы страны. Автор исследует формы и особенности участия военных в политической жизни страны и реконструирует основные этапы эволюции армии как политического института в XX – начале XXI в.

В статье *Е.М. Бордуновой* «Этнический Курдистан: фантомна ли курдская государственность» анализируется история курдского национализма и выявляется специфика национальной самоидентификации курдов. Автор рассматривает основные факторы, препятствующие созданию суверенного курдского государства, прежде всего комплексную идентичность, региональное экономическое неравенство и приоритет племенного самосознания по отношению к национальному.

И.С. Савин в статье «Этническая идентификация в постсоветском Казахстане» исследует специфику этнической идентификации казахов в кон-

тексте процесса национального строительства в современном Казахстане. Особое внимание автор обращает на историю формирования казахского национального сознания, прежде всего в советскую эпоху. В статье того же автора «Социальные стратегии трудовых мигрантов из Узбекистана в России и Казахстане (сравнительный анализ)» проблема этнического сознания в постсоветской Средней Азии рассматривается с точки зрения конфликта и взаимодействия разных этнокультурных общностей — «коренных» и «пришлых».

Завершает книгу рецензия *И.В. Кривушина* на сборник научных статей «Мы и они: конформизм и образ “другого”», посвященный проблемам ксенофобии и инаковости в разных цивилизациях и в различные эпохи истории.

Доктор исторических наук,
профессор ГУ ВШЭ

А.Л. Рябинин

Москва, 2010

Будущее мировой политики: через разрешение противоречия между принципом государственного суверенитета и правом наций на самоопределение — к новой эре международных отношений

Соболева И.В.

Одним из наиболее существенных требований, выдвигаемых сторонами в ходе межнациональных конфликтов, является создание условий для политического самоопределения нации, т.е. получение ею статуса независимого государственного образования. Предполагается, однако, что это требование входит в противоречие с принципом неприкосновенности государственного суверенитета, гарантированным ООН. На наш взгляд, такое противоречие было создано искусственно, поскольку изначально эти понятия не исключают друг друга, и национальное самоопределение не всегда требует в качестве обязательного условия политического суверенитета. Суверенитет также закреплен в политико-правовом дискурсе как концептуально неоднозначное понятие, имеющее, в частности, и вне(над) национальную трактовку. Мы полагаем, что национальное самоопределение через нарушение принципа государственного суверенитета есть исключительно политический инструмент манипуляции, и гарантом применения такого инструмента становятся международные организации, несмотря на то что их политической силы в настоящий момент недостаточно для разрешения межнациональных конфликтов.

Объектом нашего внимания стала ООН как единственная международная организация, целью создания которой декларировалось содействие разрешению межнациональных конфликтов, т.е. ей присуща миротворческая функция. *Мы стремимся показать, как следует изменить характер международных отношений, чтобы разрешить указанное противоречие.*

Мы проведем анализ современного понимания понятий «суверенитет» и «национальное самоопределение» и онтологически оценим место международных организаций в политическом пространстве, а также докажем, что на протяжении своего существования международные орга-

низации были неэффективны при разрешении искусственно созданного противоречия, и дадим ответ на вопрос, какой должна быть институциональная почва для разрешения межнациональных конфликтов.

Эксплицирование понятия суверенитета

Представленная на суд читателя работа посвящена нахождению выхода из онтологического и идеологического тупиков, в которых находится международная политико-правовая система, поэтому в ней отсутствует подробное изложение исторических концепций понятия суверенитета. Если бы суверенность как концепт и свойство государственной организации не потеряла отсылки к Абсолюту за предыдущий век, а осталась бы, как провозглашали Ж. Боден, Т. Гоббс и их последователи, основой конструирования *nation-state*, то международная система оставалась бы Вестфальской, а в данной работе не было бы смысла. Сегодня, однако, и *nation*, и *state* имеют свои, отдельные претензии к суверенному определению, и данная часть статьи посвящена эксплицированию понятия суверенитета с целью поиска той логической несостоятельности, которая открывает широкие просторы для политических манипуляций.

Простейшее деление понятия «суверенитет» на *внутреннюю* (высший политический авторитет) и *внешнюю* (неприкосновенность границ и независимость государства во внутренних и внешних делах) *составляющие*, выделяемые при осмыслении претензий на национальное самоопределение, теряет свою актуальность как минимум по трем причинам. Во-первых, неочевидно, какой из составляющих суверенитета не хватает нации для обретения независимости. Во-вторых, выделение двух составляющих не предполагает возможности оперирования ими в качестве заменителей понятия полного суверенитета — он, как аристотелевское целое, превышающее сумму его частей, может существовать только при наличии обеих. В-третьих, Г. Кельзен, отделив суверенность от реального государства и передав ее институтам международного права¹, ознаменовал переход от *bellum omnium contra omnes*, в которой, по Т. Гоббсу, находятся государства-левиафаны, к новому общественному договору второго порядка — в котором свое право на насилие в обмен на безопасность отдают

¹ *Kelsen H. Pure Theory of Law / transl. from the 2nd German ed. by M. Knight. Berkeley, 1967.*

уже не люди, а государства. Следовательно, с того времени, когда часть полномочий суверенных государств была передана ООН, абсолютного внешнего суверенитета у государства быть не может — в таком случае и нация, требующая самоопределения, не сможет его получить, а та его часть, которую она получит, с трудом поддается сравнению с внутренним суверенитетом одной из испанских автономий или Гренландии.

Другой вариант понимания суверенитета, *англо-саксонский*, предполагает ядром понятия суверенитета «высшую власть над какой-либо территорией. Это современное название политической власти»². Иными словами, англо-саксонский тренд последних лет (отчетливо проявившийся в неоконсервативной практике) сводится к пониманию суверенитета как идеального конструкта, синонимичного политической власти государства как управляющего органа. Суверенитет становится внутренним шансом политического актора на власть, а внешний суверенитет теряет актуальность в свете глобальных перемен. «Национальные государства не исчезнут, они просто разделят свою власть с огромным количеством могущественных не-суверенных акторов — корпорациями, неправительственными организациями, террористическими группами, наркокартелями, региональными и глобальными институтами, банками и частными сберегательными фондами»³. Такой подход делает интервенцию НАТО в Косово прототипом будущих переделов сфер влияния — ведь если нивелировать на теоретическом уровне понятие суверенности, государства перестают быть единственными субъектами международного пространства, следовательно, они теряют легитимные основания в споре с национальными образованиями.

Следующая, третья, классификация суверенитета проведена нами с учетом того, *кто является носителем суверенитета*⁴. *Государственный*

² *Philpott P.* Sovereignty // Stanford Encycl. of Philosophy. Available at: <http://plato.stanford.edu/entries/sovereignty>.

³ *Haass R.N.* Sovereignty // Foreign Policy. 2005. 9 Oct. Available at: <http://www.foreignpolicy.com>.

⁴ Хороший пример сложности трактовки — Конституция РФ. Ч. 1. Ст. 3: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». Возникает вопрос: какой исторический субъект понимается под народом и почему он обладает суверенитетом, а каждая конкретная нация в его составе — нет? Или, напротив, народный суверенитет распространяется на каждую нацию?

суверенитет предполагает верховенство государства в пределах собственных границ, независимость в международных делах, абсолютное право распространять власть на регион, страну и народ (*sur un peuple*)⁵. *Национальный* суверенитет — это полновластие нации, ее политическая свобода, обладание реальной возможностью определять характер своей национальной жизни. Право наций на самоопределение включает не только право на отделение и образование самостоятельного суверенного государства, но и право на объединение с другими нациями с общего согласия, которое при этом не является юридическим основанием для изменения существующих границ⁶. Нация имеет право на экономическое, социальное и культурное самоопределение, выбор необходимой для его лучшей реализации политической формы⁷. Заметим, что в романо-германской традиции, однако, «национальный суверенитет характеризуется независимостью *национального государства* от вмешательства других государств»⁵. Третий вариант, помимо государственного и национального, — *народный* суверенитет, т.е. народ как источник власти. Принцип народного суверенитета утвердился как противопоставление абсолютной монархии⁸. Апеллирование к такой классификации, однако, не позволяет решить текущий кризис в международном политико-правовом дискурсе, поскольку предполагает одновременное понимание суверенитета как принципа, права и свойства.

Мы полагаем, что традиционный концепт суверенитета не обладает необходимой объяснительно-аналитической способностью, и понять, где когнитивная логика терпит поражение, можно лишь проанализировав *причины*, окончательно подорвавшие основы прошлого понимания суверенности.

1. **Глобализация.** «Глобализация угрожает существованию всех форм национальной парадигмы. Посредством нее осуществляется стратегия доминирования, маргинализации и политической дестабилизации госу-

⁵ Définition de souveraineté // La Toupie. URL: <http://www.toupie.org/Dictionnaire/Souverainete.htm>.

⁶ Левин И.Д. Суверенитет. СПб., 2003. С. 263.

⁷ Международный пакт о гражданских и политических правах / принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г.; вступил в силу 23 марта 1976 г.

⁸ Popular Sovereignty. 2007. 2 July. Available at: <http://www.basiclaw.net/Principles/Popular%20sovereignty.htm>.

дарств. Она связана с ослаблением сил и институтов предшествующих моделей развития и наносит сильный удар по социально бедным. Многие рассматривают глобализацию как преодолевающую национальное государство»⁹. Вопрос о существовании государства в политической форме XVI–XX вв. был поставлен лидерами постмодернистской философии еще в 1970-е годы. Существует мнение, что глобальные процессы необходимо рассматривать в духе гегельянской диалектики единства и борьбы противоположностей. Это означает, что глобализация, посредством уравнивающей коммуникативистики стирая политические и экономические границы, может, напротив, усилить культурно-национальные противоречия. Мы полагаем, что на уровне политического дискурса возрождения nation-state миру не грозит. Вопрос о сохранении национальной культуры будет переформулирован в вопрос о ее сохранении с целью выгодной продажи, подобно тому, как институты западного общества стали отдельным товаром на глобальном рынке модернизационных технологий и, более того, главным экспортным продуктом Запада.

Оксфордская группа (США) выделила четыре группы угроз, связанных с глобализацией¹⁰: изменение климата, конкуренция за топливо, маргинализация большей части населения мира и глобальная милитаризация. Даже поверхностного анализа перечисленных факторов достаточно для понимания того, что в рамках существующей геополитической системы справиться с ними невозможно. Скорее наоборот, при увеличении числа независимых суверенных государств — которые *sine qua non* должны развивать собственные вооруженные силы для долгосрочного утверждения своего суверенитета — угроза глобальной милитаризации будет только повышаться. Так или иначе мы приходим к двум альтернативам:

1) роль координатора и контролера берет на себя страна, обладающая достаточным ресурсом принуждения (именно в этом заключается неоконсервативная идеология, сформировавшаяся в США к середине 1970-х годов);

2) роль координатора и контролера переходит к международной (точнее, межправительственной — *intergovernmental*) организации по-

⁹ Павлов Ю.М. Процесс глобализации и проблемы сохранения национальной самобытности // Аналит. вестн. Совета Федерации ФС РФ. 2001. № 6 (137).

¹⁰ Глобализация, структурные изменения и роль государственных образований [Электронный ресурс]: стеногр. отчет (сокр.) Междунар. конф. 2007. 23 мая. Режим доступа: http://www.inop.ru/files/globaliz_stenogr.doc.

средством наделения ее суверенитетом (как это вытекает из логики англо-саксонского понимания власти и суверенитета).

2. **Формирование новых социальных объектов:** общества массового потребления, с одной стороны, и гигантских ТНК — с другой. Торговля невозможна без политики, одновременно она является одним из каналов государственного влияния. Строго говоря, очень сложно сказать, где на совместные решения России и ЕС влияет path dependency их отношений, а где политическое становится производным от транзакций «Газпрома» и европейских потребителей газа.

3. **Создание новых субъектов международного права,** которые не способны обладать суверенностью в прошлом понимании ее смысла. Таковыми, по нашему мнению, являются:

- *фактически существующие стабильные режимы* (ФССР) — Косово, Абхазия. Под ФССР в международном праве понимается институциональное оформление национально-освободительного движения, которое чаще всего происходит по стандартным формам сепаратизма или ирредентизма. ФССР отвечают четырем принципам признания государства, закрепленным в конвенции Монтевидео 1933 г.: им присущи постоянное население, определенная территория, собственное правительство и способность вступать во взаимодействия (a capacity to enter into relations) с другими государствами¹¹;

- *надгосударственные и наднациональные образования* (Европейский союз, ВТО). Д. Хелд в 1995 г. первым формулирует проблему разделенного суверенитета (shared or divided sovereignty): «Управление государствами в условиях серьезного усложнения международной системы... < связано с > разделением их суверенитета между множеством национальных, региональных и интернациональных организаций и его ограничением, обусловленным самой природой этого множества»¹²;

- надгосударственные и наднациональные *органы контроля международного правопорядка* (ООН);

- наконец, так называемые *failed states*¹³ (Сомали, Руанда, Сьерра-Леоне, Афганистан).

¹¹ Baker R. Challenges to Traditional Concepts of Sovereignty // Publ. Administration and Development. 2000. Vol. 20. Iss. 1. P. 6.

¹² Held D. Democracy and the Global Order: From the Modern State to Cosmopolitan Governance. Stanford, 1995. P. 83.

¹³ Baker R. Op. cit. P. 6–7.

4. **Другие факторы**¹⁴ — торговые и финансовые кризисы, информационная революция, глобальное гражданское общество¹⁵.

Этимологически слово «суверенитет» происходит от старофранцузского *soverain*, берущего начало от латинского *super* с добавлением корня *reign* («правлящий», позднее — «королевский»)¹⁶. Это говорит о тонкой связи суверенности с властью и субъектом власти, конкретным Левиафаном, а не абстрактной идеей. Суверен — со времен Гоббса — тот, кому принадлежит право смертной казни, *власть над созданием норм и правил апеллирования к ним*.

Мы предлагаем принять следующие ключевые признаки суверенности, которые обладают как окказиональной объяснительной способностью, так и соответствием абсолютному, идеальному пониманию высшего суверенитета (т.е. совмещают в себе и реалистический, и романтический подходы).

1. Суверен — тот, кто определяет правила поведения в неопределенности, в чрезвычайном положении¹⁷.

2. Суверен — тот, кто обладает *jus belli*¹⁸ от лица тех, кто его создал¹⁹.

Приведем пример. «После Первой мировой войны Конгресс США отказался ратифицировать вступление страны в Лигу Наций в том числе и из-за угрозы суверенному праву объявления войны»²⁰. Лишение суверен-

¹⁴ *Streeten P.* Globalization: Threat or Opportunity. Publ. Administration and Development Jubilee Conf. (Oxford, 1999, 12–14 Apr.).

¹⁵ Гражданское общество и глобальное управление: справ. док. // Организация Объединенных Наций: веб-сайт. 2009. 2–3 июня. Режим доступа: <http://www.un.org/russian/partners/cardoso.htm>.

¹⁶ Collins English Dictionary and Thesaurus (Dictionary/Thesaurus). 2nd ed. 2000.

¹⁷ *Morgenthau H.J.* The Problem of Sovereignty Reconsidered // Columbia Law Rev. 1948. No. 48. P. 361.

¹⁸ Право объявления войны (лат.).

¹⁹ Ср.: Волков В.В. Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ. М., 2005. С. 26: «...членство в политическом сообществе обеспечивается способностью к войне».

²⁰ *Мусихин Г.И.* Концептуальная неоднозначность понятия «суверенитет» (Сравнительный анализ взглядов Карла Шмитта и Ганса Кельзена) // Обществ. науки и современность. 2009. № 3. С. 67.

ного права объявления войны предполагает лишения суверенитета *per se!* Мы запомним этот важный вывод, но, прежде чем перейти к конструированию теории международного разрешения межнациональных конфликтов, должны рассмотреть вторую составляющую интересующей нас дилеммы — право нации на самоопределение.

Эксплицирование понятия самоопределения наций

Вопрос о праве наций на самоопределение был поднят только в начале XX в. — на волне распространения коммунистических идеологем. Однако тот же В. Ленин не предполагал под ним «обязательного отделения (нации)». Как мы знаем, не предполагала его и Конституция СССР.

В первой французской Конституции (1791 г.) декларировалось, в частности, что «источник суверенитета зиждется по существу в нации». Ничего нового сказано не было — господствовавшая до этого Вестфальская система государств — *nation-states* — предполагала функционирование суверенов на основе общественного договора, в ходе которого они надеялись правом власти, исходившим от народа.

В XIX в. идея получила второе рождение, став идеологическим базисом для объединения разделенных народов Италии и Германии. Отметим, что оба народа *до разделения* имели собственную политическую структуру, и речь шла о воссоздании потерянного, а не о появлении нового. Неудивительно, что термин «самоопределение наций» впервые прозвучал на Берлинском конгрессе 1878 г., приблизительно тогда же в оборот вошло и понятие «право наций на самоопределение»²¹.

К Первой мировой войне это право становится чем-то вроде языковой игры, по Лиотару: великие державы используют его как идеологическое оружие, направленное против многонациональной державы противника. Но оружие оказалось обоюдоострым, и в результате идеологема права на самоопределение стала одним из факторов разрушения колониальных империй. Тогда же озвучивается первая логическая связь между прин-

²¹ Грушкин Д.В. Право народов на самоопределение: история развития и воплощения идеи // Мемориал: междунар. ист.-просветит. правозащитное и благотвор. о-во. Режим доступа: <http://www.memo.ru/hr/referats/selfdet/Chapter2.htm>.

ципом национального определения и правом нации на самостоятельный выбор политического устройства («14 пунктов» В. Вильсона). Это право, однако, не было включено ни в Устав Лиги Наций, ни в тексты мирных договоров между победителями и побежденными, что, как предполагают некоторые исследователи, могло стать одной из предпосылок Второй мировой войны²².

Анализ функционирования международных институтов за четыре века демонстрирует нам, что принцип национального самоопределения, трактуемый максимально узко — как самоопределение границ и форм собственного суверенитета, — использовался в исключительно идеологическом контексте. Эти идеи не рождались в национально-освободительных движениях, а предлагались им как удачное дополнение существовавших идеолого-ценностных установок. Инициаторами модификации идеи национального самоопределения становились в основном те страны, которые хотели увеличить свое влияние в нестабильном регионе путем подмены принципа государственного суверенитета и разрушением его с помощью идеи «национального самоопределения». Интересно в связи с этим привести отрывок из выступления Ш. Гофана, представителя китайской делегации на 4011-м заседании Совета Безопасности ООН по вопросу о Косово, состоявшемся 10 июня 1999 г.: «На всей планете существует около 200 стран и более 2500 этнических групп... <...> этнические проблемы, возникающие в том или ином государстве, должны соответствующим образом решаться *его собственным правительством и народом* на основе проведения глубоко продуманной политики. Их *нельзя использовать в качестве оправдания для вмешательства извне*, и уж тем более недопустимо их использование иностранными государствами для оправдания применения силы. В противном случае для государств не будет существовать истинной безопасности и в мире не будет нормального порядка»²³.

²² Скобов А. Осень средневековья // Грани.Ру: еженд. интернет-газ. [Электронный ресурс]. 2008. 21 февр. Режим доступа: www.grani.ru/opinion/skobov/m.133749.html.

²³ Выступление представителя Китая на 4011-м заседании Совета Безопасности ООН по вопросу о Косово, состоявшемся 10 июня 1999 года // Организация Объединенных Наций: веб-сайт. 1999. 10 июня. Режим доступа: <http://www.un.org/russian/documen/kosovo/4011chin.htm>.

Конфликт принципа суверенности государства и права наций на самоопределение был обнаружен во время подготовки Устава ООН на VI заседании Комитета I Комиссии I на Конференции в Сан-Франциско. 15 мая 1945 г. была отклонена поправка о «праве народов на самоопределение», во многом из-за неопределенности в терминологии. Также «эксперты опасались, что положение о праве народов на самоопределение, выдвигаемое в качестве основы дружественных отношений между нациями, может создать юридические основания для вмешательства извне»²⁴. Но посмотрим, какими прецедентами руководствовалась Комиссия ООН, настаивая на включение этого права в уставные документы. Речь шла о национально-освободительных движениях постколониальных стран (таких как Народная организация Юго-Западной Африки (СВАПО)), которые *приравнивались в международном праве к суверенным государствам для придания им статуса представителей народной воли (носителей суверенитета)*!

Итак, кто и как самоопределяется? Некоторые юристы пишут, что национальное самоопределение есть всего лишь безобидное право нации иметь свой язык, культуру и сохранять ее в рамках полиэтнического государства, т.е. это самоопределение культурное²⁵. Французская школа выделяет социальное самоопределение²⁶. Традиции англо-саксонского права отделяют нации от государств по способности реализовывать власть — «в то время как нации часто представляют собой этническое или культурное сообщество, государство есть политическая общность с высоким уровнем суверенности»²⁷.

Какая же нация способна бороться за самоопределение? «Лишь нация или народ, борющиеся за свое освобождение и создавшие определенные властные структуры, объединенные единым центром, способным выступать от имени нации или народа в межгосударственных отношениях, могут претендовать на статус субъекта международного права»²⁸. Данная

²⁴ Грушкин Д.В. Указ. соч.

²⁵ Левин И.Д. Указ. соч. С. 264.

²⁶ Patry A. La notion de souveraineté // Critère. no. 28. Printemps 1980. URL: http://agora.qc.ca/reftext.nsf/Documents/Souverainete-La_notion_de_souverainete_par_Andre_Patry.

²⁷ Miscovic N. Nationalism // Stanford Encycl. of Philosophy. 2001. 29 Nov.; rev. 2010. 1 June. Available at: <http://plato.stanford.edu/entries/nationalism>.

²⁸ Международное право: учеб. для студентов вузов, обучающихся по спец. «Юриспруденция» / Б.М. Ашавский и др. 2-е изд., стереотип. М., 2007. С. 161.

точка зрения уходит корнями в понимание политического, по К. Шмитту, — нация способна существовать в политическом пространстве, если ей принадлежит «реальная возможность в некоем данном случае в силу собственного решения определить врага и бороться с врагом»²⁹. Это право объявления войны — отличительное свойство государства как политического субъекта принятия решений, о котором мы говорили, эксплицируя понятие суверенитета.

Те нации, которые претендуют на монопольное применение насилия, на аккумуляцию своих ресурсов для определения врага и начала войны, имеют реальные основания для образования государства. Такое определение полезно для категоризации наций в континууме политического самоопределения, но с прогностической точки зрения достаточно бессмысленно, поскольку содержит в себе претензию на окказионализм. История возобновляется — и, как указывал Белл, попытки снова стать народом, *volk* в сугубо этнографическом, гердеровском смысле, будут предприниматься каждым народом, стремящимся *при удобном случае* возобновить прерванную империей традицию государственности. Это вовлекает нас в мрачный прогноз будущего вавилонского столпотворения, в котором каждая этническая общность рано или поздно будет претендовать на суверенность.

Мы готовы представить читателю альтернативу дурной бесконечности.

Трактовка суверенитета и права на самоопределение с позиций конфликтологии

«Так называемая *неделимость территории* никогда не была постоянной и неизменной; это лишь продукт стратегий легитимации, выбранных акторами во время борьбы за всеобщую поддержку...»³⁰. «Принцип невмешательства не дается а priori для концепции государственного суверенитета»³¹.

²⁹ Шмитт К. Понятие политического // *Вопр. социологии*. 1992. № 1. С. 54.

³⁰ Goddard S. Uncommon Ground: Indivisible Territory and the Politics of Legitimacy // *Intern. Organization*. 2006. Vol. 60. No. 1.

³¹ Мусихин Г.И. Указ. соч. С. 72.

Приведенные цитаты показывают, что принцип суверенности не предполагает неизбежной территориальной целостности. Точно так же право наций на самоопределение не предполагает обязательного отделения территории, поскольку даже крайняя, политическая форма самоопределения предполагает обретение суверенитета как политического пространства, а не территории как пространства физических объектов. Существует совокупность альтернативных способов регулирования международных конфликтов — консоциация, синкретизм, федерализация, замена гражданства «по крови» на гражданство «по почве», проведение символической политики по замене национально ориентированных символов на нейтрально окрашенные.

Очевидно, что толкование дилеммы происходит в зависимости от участия в принятии решений сильных игроков, которые в условиях международной борьбы за власть и ресурсы обладают полноправным суверенитетом — т.е. определяют правила поведения в неопределенности и обладают *jus belli*. Национальное самоопределение через нарушение принципа государственного суверенитета становится политическим инструментом манипуляции XX–XXI вв. Поймите разницу между легитимацией суверенитета бывшей колонии, обладающей внутренними предпосылками к суверенитету, и торгом за возможность военного присутствия в каком-нибудь из *failed states* Азии. Возьмем, к примеру, Синьцзян-Уйгурский район Китая, дающий 25% добываемой страной нефти³² и служащий местом жительства размещенных на территории постсоветских республик Средней Азии уйгуров. Поскольку международные наблюдатели получают карт-бланш на размещение военных баз только в случае установления претензии на политическое самоопределение и уничтожения прав уйгуров как нации, то для защиты прав уйгуров в США создается Международный уйгурский конгресс, возглавляемый резидентом США Ребией Кадир. Дальнейшее разворачивание событий очевидно — о понимании неделимости суверенитета в англо-саксонском праве мы уже говорили в первой части работы.

Международное признание национальных меньшинств в конце XX в. (вместо гарантирования их культурной и социальной автономии) было до-

³² См., например: Синьцзян — нефтяная база Китая // NEONOMAD [Электронный ресурс]. Астана, [200?]. Режим доступа: http://www.neonomad.kz/sobytiya/mir/index.php?ELEMENT_ID=3157.

пущено как меньшее из зол для Европы — для предотвращения активной миграции в добрососедские государства (kin states)³³.

При нивелировании политической составляющей противоречие государственного суверенитета и права наций на самоопределение снимается само по себе.

Во-первых, мы показали, что ни политический суверенитет, ни право наций на самоопределение не предполагают в себе безусловного противоречия по поводу территории как физического пространства. Они противоречат друг другу в случае политической претензии нации, имевшей опыт государственности и обладающей внутренней суверенностью как способностью принимать решение в условиях неопределенности. Такая претензия при этом может быть удовлетворена только в случае гуманитарной интервенции другой нации. Если нация, проживающая внутри какого-то государства, имеет возможность реализации права на самоопределение (политическое — как выбор формы правления, а не территории; экономическое; культурное), ее претензия на разрушение суверенитета не имеет под собой оснований.

Во-вторых, апеллируя к исконной этимологии, отметим, что *принцип* — это основа политических отношений, их неизбежная для соблюдения аксиоматика. *Право* — это то, что может быть использовано только в условиях общего *pacta sunt servanda*. Вы не можете апеллировать к своему праву на жизнь в обществе каннибалов, если предварительно не договоритесь принять как принцип (читай: правило) то, что чужаков они не едят.

Следовательно, вопрос заключается в том, как сохранить и гарантировать международный порядок в условиях борьбы всех против всех, как нивелировать политическую составляющую трактовки международных принципов и правил игры.

«Концептуальный уровень суверенитета либо допускает произвольное насилие (в интерпретации Шмитта), либо отрицает таковое (в интерпретации Кельзена)»³⁴. Мы полагаем, что базовые трактовки суверенитета не противоречат друг другу и не являются дизъюнктивными, а развива-

³³ Preece J.J. National Minority Rights vs. State Sovereignty in Europe: Changing Norms in International Relations? // Nations and Nationalism. 1997. Vol. 3. No. 3. P. 351–352.

³⁴ Мусихин Г.И. Указ. соч. С. 73.

ются по законам гегельянской логики. Когда мы создаем международную организацию и наделяем ее правом регулирования и представления нашей воли, мы прекращаем *bellum omnium contra omnes* и заключаем общественный договор между странами, приходя к синтезу от антитезиса. Из этого силлогизма существует единственный вывод: *для гарантирования безопасности личности и общества право на применение насилия и создание правил игры должно быть только у левиафана второго порядка — у международной организации.*

Международная организация как актор, принимаящий решения

В данной части мы выясним, возможно ли наделение ООН статусом суверена как абсолютной категории. Категория абсолюта важна потому, что последствия конкуренции за полный суверенитет как право принимать решения в неопределенности сейчас ясно проявляются в кризисе принятия решений на международном уровне. Отсутствие абсолютного носителя суверенитета предполагает его дробление, конкуренцию между странами и постоянные попытки отнять у политической организации статус суверенности как тотем в игре на выживание. Статус суверена должен опираться на абстрактный конструкт, не имеющий аналогий на одном с ним уровне, — т.е. на международное право.

Сопоставим признаки суверенности и государственности с теми полномочиями, которыми ООН наделена сейчас.

«Генеральный секретарь Пан Ги Мун направил Совету Безопасности ООН доклад о результатах переговоров о будущем статусе Косово... В нем сообщается, что *после 120 дней интенсивных переговоров Белграду и Приштине не удалось достичь соглашения относительно статуса края. Ни одна из сторон не захотела пойти на уступки по основополагающему вопросу, касающемуся суверенитета...* <однако> в ходе переговоров обе стороны подтвердили ключевое значение европейской перспективы для их будущих отношений и вновь заявили о своем стремлении строить будущее под общей крышей Европейского союза»³⁵. Глобальное граждан-

³⁵ Доклад «тройки» представителей Европейского союза/Соединенных Штатов Америки/Российской Федерации по Косово. 4 декабря 2007 г. // Организация Объединенных Наций: веб-сайт. Режим доступа: <http://www.un.org/russian/news/printnews.asp?newsID=8802>.

ское общество приходит к пониманию того, что потерявший абсолютную основу принцип национального суверенитета не применим к пониманию нового миропорядка, определяемого транснациональными взаимоотношениями, формируемыми как государственными, так и над-, и негосударственными субъектами: «Космополитическое право является *прямой противоположностью стремлению сильных возводить свои конкретные суждения в ранг абсолютных парадигм*»³⁶.

Задачу превращения ООН в субъект вынесения оценки предлагаемым в качестве абсолютных парадигмам можно решить путем придания ей суверенного статуса. Согласно Веберу, этот процесс проходит в три этапа³⁷:

- 1) установление монополии на насилие (принуждение) и юрисдикцию (нормы и правила игры);
- 2) автономизация от внутренних и внешних сил влияния (иначе говоря, нейтрализация других претендентов на реализацию п. 1);
- 3) обретение легитимности (в том числе и через идеологию).

Впервые принципу нерушимости государственного суверенитета был положен конец с образованием ООН и подписанием Всеобщей декларации прав человека, которые определили государство как способ защиты индивидуальных прав и свобод³⁸. Далее у международных сил появилась возможность реализовывать *international goodwill* с помощью шанса на применение легитимного насилия (*le droit d'ingérence*) и монополии на международную юрисдикцию, выраженной в договорах по созданию системы Международного суда ООН, системы международных санкций и в создании корпуса миротворческих сил³⁹. Отметим, что с точки зрения социологии *санкция — это форма насилия*⁴⁰.

ООН имеет достаточно ресурсов принуждения; вопрос в том, что они в условиях разделяемого суверенитета принадлежат как трофей сего-

³⁶ Гражданское общество...

³⁷ Weber M. *Economy and Society: An Outline of Interpretative Sociology*. Berkeley, LA, 1978. Vol. 1. P. 54.

³⁸ Traub J. *Absolute Fiction: The Perversion of Sovereignty // The World Affairs*. 2009. Winter. P. 73–83.

³⁹ Blake M. *International Justice // Stanford Encycl. of Philosophy*. 2005. 8 July. Available at: <http://plato.stanford.edu/entries/international-justice>.

⁴⁰ Волков В.В. Указ. соч. С. 24.

дняшним победителям *bellum omnium contra omnes*. Нельзя не вспомнить о гуманитарной интервенции как о последней тактике неокOLONИализма⁴¹. Несмотря на то, что официально суверенитет ООН нигде не закреплен, вопрос о ее суверенных правах на применение насилия или осуществление вмешательства ставился неоднократно. После Хельсинкских соглашений начало новому витку дискуссий было положено с образованием негосударственной международной ассоциации «Врачи без границ»: отец-основатель организации, Бернар Кушнер, сформулировал принцип *du droit d'ingérence*, т.е. права на интервенцию, особенной привилегии, которая давала карт-бланш гуманитарным организациям, прибывавшим на место кризиса. Одним из первых применений этого права стала операция 1991 г., когда Совет Безопасности ООН инициировал и обеспечил (*authorized*) массированную гуманитарную кампанию (поддержанную организованными военными силами) на территории Ирака⁴². Обратим внимание на слово *authorized*, семантически близкое к морфеме *authority*. В международных актах 1990-х годов решения Совета Безопасности ООН сопровождаются именно таким лексическим рядом, а как мы помним, власть, авторитет и суверенитет исторически образуют отдельный дискурс. Создатели ООН ясно понимали, что без права на применение легитимного насилия эта организация становится мертворожденным ребенком вроде Лиги Наций: поскольку союз народов может иметь политическое значение, лишь если он представляет собой потенциальное или актуальное соглашение, коалицию⁴³.

С автономизацией от внешних и внутренних сил справиться гораздо сложнее. Хотя единственная реальная проблема — в том, что ООН не представляет ни одной политической единой организации, она никого не репрезентирует в суверенном пространстве — глобальное гражданское общество сформируется только при постоянном наличии свободных каналов всемирной коммуникации. В то же время текущие разработки теории вето-игроков⁴⁴ позволяют свести к минимуму субъективное влияние

⁴¹ *Traub J.* Op. cit.

⁴² *Ibid.*

⁴³ *Шмунт К.* Указ. соч.

⁴⁴ См., например: *Tsebelis G.* *Veto Players: How Political Institutions Work.* Princeton, NJ, 2002.

на принятие решений, и в этом смысле доверить управление ресурсами насилия стоит математикам, а не политикам.

Наконец, вопрос об *основаниях легитимности* ООН приводит нас к следующему парадоксу. Классическая типология легитимности Вебера к ООН как к *не совсем государству* не применима. Наиболее приемлема трактовка Липсета⁴⁵, по которой между эффективностью и легитимностью системы устанавливается прямая функциональная зависимость. Эффективность ООН в условиях реализации вышеперечисленных шагов позволит говорить о ее легитимизации в глазах глобального гражданского общества, и тогда как никогда актуальным станет вопрос о разработке идеологической основы функционирования ООН.

Заключение

Нами предлагается авторское решение дилеммы государственного суверенитета и права наций на самоопределение на основании политико-философского анализа текущей геополитической ситуации. Мы демонстрируем, что в ходе глобальных изменений государства потеряли монополию на суверенный статус. Складывается новый этап общественного договора, по которому право на суверенные действия было передано международным организациям, и поэтому мы предлагаем отойти от устаревшей концепции nation-state к государствам — источникам суверенитета ООН. В этом контексте претензии наций на самоопределение имеют скорее культурно-экономический характер, а их претензии на реализацию суверенности через изменение пространства физических предметов теряют смысл.

Мы также указываем, какие этапы предстоит пройти международной организации для того, чтобы стать реальным гарантом безопасности для формирующегося глобального гражданского общества.

⁴⁵ *Lipset S. Consensus and Conflict: Essays in Political Sociology. New Brunswick, NJ, 1985.*

Г72 **Государственный суверенитет vs. право наций на самоопределение** [Текст] : сб. науч. ст. / Гос. ун-т — Высшая школа экономики ; отв. ред. А. Л. Рябинин ; ред.-сост. Г. В. Лукьянов. — М. : Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2011. — 250, [2] с. — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0730-8 (в обл.).

Сборник включает статьи, посвященные борьбе и взаимодействию двух идей — государственного суверенитета и права наций на самоопределение. Рассматривается эволюция политических систем и различных форм национализма, а также их современная трансформация; выявляются общие тенденции развития, региональные особенности и перспективы существования национального государства. Авторы исследуют вопросы формирования базовых понятий, а также истории национальной государственности и национализма, прежде всего в XX – начале XXI столетия, в странах Европы, Азии и Африки.

Для специалистов в области истории, политологии, социологии, студентов, аспирантов и преподавателей гуманитарных вузов, а также для всех интересующихся вопросами государственного суверенитета и права наций на самоопределение.

УДК 341.231(08)
ББК 67.400

Научное издание

**Государственный суверенитет
vs. право наций на самоопределение**

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*
Редактор *О.А. Шестопалова*
Художественный редактор *А.М. Павлов*
Компьютерная верстка *С.В. Родионова*
Корректор *О.А. Шестопалова*

Подписано в печать 07.12.2010. Формат 60×88/16
Гарнитура Times. Усл.-печ. л. 15,04. Уч.-изд. л. 13,7
Тираж 1000 экз. Изд. № 1083

Государственный университет — Высшая школа экономики
125319, Москва, Кочновский проезд, д. 3
Тел./факс: (495) 772-95-71

ISBN 978-5-7598-0730-8

9 785759 807308